

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; профессор кафедры общих церковных дисциплин Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской духовной семинарии; заслуженный деятель науки и образования, чл.-корр. РАЕ; действительный член (академик) Академии философии хозяйства при МГУ им. М. В. Ломоносова; действительный член (академик) Международной гуманитарной академии «Европа–Азия» (Казань); почётный работник ВПО РФ; эксперт РАН; член союза кинематографистов России

Наследие Алексея Степановича Хомякова: культурфилософские основания и проблемное поле отечественного консерватизма

Статья направлена к характерологической и концептуальной репрезентации наследия А. С. Хомякова, его радикальной актуализации в проблемном поле большой современности; отдельное существенное место уделяется мотиву сна в последнем стихотворении автора.

Ключевые слова: консерватизм, холизм, макроисторический дуализм, глубинный филологизм, сновидность существования.

Многочисленные ссылки В. В. Путина на мысли русских религиозных философов, цитируемые им труды которых принадлежат классике отечественного консерватизма: в 2012 году в речи перед Федеральным собранием Президент обращался к творчеству Л. Н. Гумилева, называвшего себя «последним евразийцем» – к его главной теории «пассионарности»; в 2013 году цитировал «Философию неравенства» Н. А. Бердяева: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию»; в том же году в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент обратился к главному образу философии К. Н. Леонтьева, принципиально противопоставив его советскому классику – В. И. Ленину указанием на то, что для России органичен образ отнюдь не «тюрьмы народов», а «цветущей сложности»; в 2014 году в Послании к Федеральному собранию Путин процитировал

сборник статей И. А. Ильина «Наши задачи»: «Кто любит Россию, тот должен желать для неё свободы; прежде всего, свободы для самой России, её международной независимости и самостоятельности; свободы для России как единства русской и всех других национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей, свободы для всех нас: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности»; на исходе же 2016 года в речи Федеральному собранию глава государства привёл впечатляющий фрагмент написанного в годы Великой отечественной войны эссе «Жизнь» А. Ф. Лосева: «Мы знаем весь тернистый путь нашей страны, мы знаем томительные годы борьбы, недостатка, страданий, но для сына своей родины – это всё своё, неотъемлемое, родное».

Особое и первоосновное место в этом замечательном ряду должно бы занять имя Алексея Степановича Хомякова (1804 – 1860), которому через два года исполняется 220 лет со дня рождения. Его истинное значение можно доподлинно узреть лишь в созвездии с ге-

нием и основоположником отечественной науки М. В. Ломоносовым и солнцем русской поэзии А. С. Пушкиным как родоначальника нашей православной философии Нового времени.

Между тем, А. С. Хомяков, вошедший в историю как религиозный философ, поэт и публицист, по образованию был математиком и европейски образованным интеллектуалом. Учитывая многообразие его действительных интересов, он может быть назван «русским Леонардо» XIX века, а вероятно, и «русским Геноном», учитывая глубокую укоренённость в опыте синтетического рассмотрения макроисторических традиций, пожалуй, что даже и «русским Гераклитом», памятуя сближающую их «страсть к диалектике», однако нашего отличало «многознание», не слишком-то чтимое Гераклитом греческим... О Хомякове писал один из его друзей:

*Поэт, механик и филолог,
Врач, живописец и теолог,
Общины русской публицист –
Ты мудр как змей, как голубь чист.*

Всё творчество Хомякова пронизано особым холистическим пониманием церковности. «Западные вероисповедания» он рассматривал как «религии», понятые в качестве продуктов разрушения единой Церкви: на рубеже I – II тысячелетий частное епархиальное мнение Рима по ряду принципиальных вопросов было противопоставлено полноте эцклезiological истинности, что привело в течение всего второго тысячелетия к полной деэцклезiologicalизации христианской веры и к её неогностическому доцерковному состоянию. «Мир, - пишет Хомяков, - утратил веру и ищет религии, он требует религии вообще». С этим крушением связывается вся логика культурно-цивилизационного развития западного мира с его глубоким индивидуализмом, экзистенциальным отчаянием и романтическими поисками утраченного «архе».

Славянский же мир, будучи носителем примордиальных начал: древнейшего Православия и некоего исконного врождённого миролюбия, согласно Хомякову, несёт спасение не только Европе, но и всему человечеству. Эта идея была позднее подхвачена Н. Я. Данилевским («Россия и Европа») и развенчана К. Н. Леонтьевым («Византизм и славян-

ство»), которые в своей морфологии культурно-исторических типов на полвека предвосхитили идеи О. Шпенглера.

Однако культурологический потенциал собственно хомяковской мысли явно выходит за пределы славянофильской утопии, имеющей сегодня сугубо исторический интерес.

В крупнейшей своей работе «Записки о Всемирной Истории», писавшейся два десятка лет и не изданной при жизни автора, Хомяков рассматривает мировую историю как драматизированную хронику столкновения двух метафизических начал: «иранства» и «кушитства». За тридцать лет до Ф. Ницше он пишет здесь об «аполлинизме» и «дионисизме» как двух метафизических универсалиях культуры.

Архетип «Иранства» содержит символику творящего духа, свободы и личной ответственности, приоритета внутреннего над внешним, прерогативы речи над письмом, а в эстетической сфере предпочтение отдаётся поэзии и музыке. Хомяков, подобно Шопенгауэру, рассматривает генеалогию христианства в контексте развёртывания духовной парадигмы арийского Востока, но, в отличие от последнего, и ветхозаветных пророков «авраамических религий» вписывает в этот ариософский контекст раскрытия уранического откровения. «Иранский» анималогический символизм строится вокруг мифологемы «языка птиц», о котором столетие спустя после Хомякова будет интересно писать Р. Геном.

«Кушитство» же – во всех отношениях противоположный «иранству» архетипический принцип, который выражает покорность внешней необходимости (вещественной или логической), магизм в религиозной сфере, превосходство закона над благодатью (точнее, незнание благодати), а также господство в эстетической сфере безмолвия архитектурно-визуальных форм над словесно-слуховыми началами культуры. В центре мистериального сознания здесь – мифологема «змея».

Согласно Бердяеву, историософская типология Хомякова содержит в себе гениальную идею, хотя можно находить её аналоги в гегелевской философии истории (различавшей «иранский принцип света» и «египетский принцип тайны»), у Фридриха Шлегеля (разделявшего первобытное человечество на «сифитов», носителей разума и божественного просвещения, и «каинитов», носителей плот-

ской воли), и можно сказать, что здесь работает типичная романтическая (шире: западно-европейская) субъект-объектная дихотомия, содержащая в себе в качестве протоплазмы неснимаемые гностические дуалистические элементы – продукт духовного повреждения и холистического распада. «Хомяков, - писал В. В. Розанов, - был гением, но в непривычной и тяжёлой для нас форме – форме мысли; прилагая европейские оценки, он стоит в один уровень по качеству и силе с Шопенгауэром и Ницше...».

Интересную параллель можно было бы провести и с другим знаменитым представителем «философии жизни», а именно – между историософским дуализмом Хомякова и учением «о двух источниках морали и религии» А. Бергсона (равно как и соответствующих этой «позитивной метафизике» принципов эстетики, а также видов искусств): аналогом «кушитства» выступает здесь модель «общества закрытого» с преобладанием архитектурного начала – аналогом «иранства» оказывается модель «открытого общества» с доминантой музыкального начала... Не к институту Дж. Сороса и не к его философскому патрону К. Попперу, и даже не к благородному реликту современного мира А. Бергсону – а к нашему Хомякову (и его немецкому современнику А. Шопенгауэру) восходят эти основополагающие осмысления! Но кто у нас кого слышит? – вопрос, конечно же, риторический...

Впервые в русской мысли и достаточно последовательно на метафизическом уровне именно Хомяков наводит позитивные теоретические мосты с древнеиндийской ведической традицией, точнее, с её брахманической составляющей: согласно его мысли, библейское Откровение имеет некую глубинную восточную индоиранскую подпочву, что если не в сотериологическом, то в культурно-типологическом плане представляет определённый интерес. Здесь опять уместны параллели с Геноном, особенно учитывая тот факт, что Хомяков писал об этих вещах почти за целое столетие до великого суфия XX века... Чисто внешний парадокс в самом сближении кастово-ориентированного Генона и демократически-настроенного Хомякова снимается, если мы проясним для себя тот факт, что один из них двигался к жизненной реализации высшего таинства Церкви, а другой – уходил

от него в поисках до- и вне-церковной по своей природе относительной истины.

Филологическое приложение к хомяковским историософским запискам «Сравнение русских слов с санскритскими» – до известной степени беспрецедентный опыт демонстрации присутствия древнего сакрального языка в структуре живого речевого общения людей, не говоря уже о письменно закреплённых «визуализированных» формах. Развивая (подобно К. С. Аксакову, отцам Павлу Флоренскому и Сергию Булгакову, А. Ф. Лосеву и немцу М. Хайдеггеру) глубинно-корневой метод, близкий филологии Хомякова, писавшего о «вещественности корней языка», можно и в слове «культура» видеть не просто цитероновское «возделывание земли», но и «почитание уранического откровения» или «колобращение небесного огня», если активизировать интериорную семантику корней «ур» и «коло», то есть встать на путь герменевтической реставрации сакральной мифоосновы культурного опыта – на путь подлинного человековедения.

ТОТАЛЬНОСТЬ БЫТИЙНОГО СНА В ПОСЛЕДНЕМ СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ХОМЯКОВА

Стихотворение «Спи!» написано на исходе лета 1859 г. и послано в письме И. С. Аксакову. «Это последнее стихотворение Хомякова, – писал П. И. Бартенев, – за несколько месяцев до кончины он говорил., что жизненный подвиг его окончен»¹. Однако произведение передаёт не только ощущение приближающегося конца, но в качестве лейтмотива содержит суждение *метафизического* характера о тотальности бытийного сна и о целеполагающем месте в нём человека:

СПИ!

*Днём наигравшись, натешившись, к ночи
забылся ты сном;*

*Спишь, улыбаясь, малютка: весенне-
го утра лучом*

*Жизнь молодая, играя, блестит в
сновиденьи твоём.*

Спи!

*Труженик, в горести, в радости, путь
ты свершаешь земной;*

¹ См.: Стихотворения А. С. Хомякова. М., 1910. С. 221.

*Утром отмеренный, к вечеру кончен
твой подвиг дневной;*

*Что-нибудь начато, что-нибудь сде-
лано: куплен твой отдых ночной.*

Спи!

*С светлым лицом засыпаешь ты,
старец, трудом утомлён.*

*Видно, как в ночь погружается жиз-
ни земной небосклон:*

*Дня замогильного первым сияньем уж
твой озаряется сон.*

Спи!

Поэтический текст представляет собою развернутую монументальную картину человеческой жизни в трёх её стадиях: детство, зрелость, старость. «Спи!» — не монотонно растянутое колыбельное «баю-баюшки-баю», но директивный, по-будительный аккорд. Он призывно звучит уже в названии, обрамляет и пронизывает всё стихотворение.

Ребенок, «наигравшись, натешившись», забывается (уходит в За-бытие!) сном, *изнутри* которого светится жизненная игра. Онтологическая реальность Сна заведомо шире любых перспектив альтернативного Пробуждения. Строго говоря: никакого *Пробуждения* нет! Сон метафизичен, тотален, *беспробуден*. Жизнеутверждающая опора рождается лишь изнутри Сна, а значит, необходимо утверждать нерушимость самого его состояния: «Спи!»

«Свершение земного пути» героем жизни, «тружеником», развертывается исключительно изнутри *мира как сновидения*. Сном обрамляется сама «отмеренность» его дел. На фоне глобализированного сна оказывается неважной сама качественная сторона человеческих деяний: «*что-нибудь*» (оно — лишь только «*что-нибудь*»!) фатально обесценивает саму «покупку» ночного отдыха.

Завершение земного пути «утомлённым старцем», встречающим «с светлым лицом» свой переход в «сияние замогильного дня» — не более, чем окончательное погружение в Абсолютный Сон. Заря потустороннего света оказывается результирующим фрагментом в *тотальности бытийного сна*.

Позиция самого автора обнаруживается в горизонтах автодеконструирующейся системы «ведение — неведение — самоирония». С одной стороны, торжество светового гнозиса, вечного Дня («замогильного»), связанного с Благовестием христианства Миру и человеческой жизни, церковный образ «успения души» в обители Небесного Отца, — с другой же, устойчивый индоевропейский мотив космизированного сна (от Веданты древнеиндийских брахманов и древних греков Пиндара, Софокла — до Шекспира, Кальдерона, Декарта, Шопенгауэра и Джемалю...).

Для Хомякова *глобализированная сновидность* является и устойчивым показателем высшей космологической гармонии, что нашло отражение, например, в стихотворении «*Видение*» (1840 г.), где исходно предполагается особая элевация, связанная с духовным пробуждением от повседневного морока и вхождением в дивный сон «полноты времён» (См.: Гал., 4:4; Эф., 1:10):

***Весь мир лежит в торжественном покое,
Увитый сном и дивной тишиной...***

«Во блаженном успении Вечный Покой» — призывает на усопшего и заупокойное молитвословие. Как и у Хомякова, нерушимая сновидность полноты реальности — объемлющей Плеромы — оказывается тут оборотной стороной Бого-узрения!

©Океанский В. П., 2022